

Новиков А.А.

Правовое регулирование прекращения договора простого товарищества в гражданском праве России и в римском праве

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3220>]

[Публикация работы:]

Новиков А.А. 2002: Правовое регулирование прекращения договора простого товарищества в гражданском праве России и в римском праве // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 242-250.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А. А. НОВИКОВ*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА
ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ
И В РИМСКОМ ПРАВЕ**

Договор простого товарищества, урегулированный в настоящее время гл. 55 ГК РФ, относится к традиционным отечественным правовым институтам. Этот вид договора получил широкое распространение в совместном долевом строительстве зданий и сооружений, особенно в области жилищного строительства с привлечением средств отдельных граждан и юридических лиц. Правоприменительная практика в Санкт-Петербурге показывает, что значительное число коммерческих организаций заключают договор простого товарищества с целью прикрыть другую сделку. Например, договором простого товарищества коммерческие организации (ЗАО, ТОО и др.) постоянно пытаются прикрыть договор строительного подряда с отдельными гражданами-дольщиками¹. Это позволяет данным организациям избежать действия «Закона о защите прав потребителей» и вообще повышенной правовой защиты граждан относительно действий лиц, занимающихся профессиональной предпринимательской деятельностью в строительной сфере. Возможность участия в этом договоре различных субъектов гражданских правоотношений привела к отходу от одного из основополагающих принципов, присущих данному виду договора, – общности цели, что с особой остротой поставило вопрос о прекращении договора простого товарищества и правовых последствиях такого действия.

Во многом проблемы, связанные с расторжением договора простого товарищества, являются общими в римском частном праве и современном отечественном гражданском праве, что свидетельствует не только об общности законов развития гражданско-правовых институтов, об универсальности права, но и о необходимости тщательного изучения римского опыта².

Рассмотрим правовое регулирование отдельных оснований прекращения договора простого товарищества в современном гражданском праве Российской Федерации и в римском праве³.

---

* Новиков Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

¹ *Елисеев И. В.* Простое товарищество // *Гражданское право: Учеб.* / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. Ч. 2. С. 656; *Савельев А. Б.* Договор простого товарищества // *Актуальные проблемы гражданского права* / Под ред. М. И. Брагинского. М., 1999. С. 293–294.

² Соответствующие разделы современной научной и учебной литературы носят констатирующий характер: *Гражданское право. Ч. 2. Обязательственное право* / Под ред. В. В. Залесского. М., 1998. С. 592–593; *Гражданское право России. Ч. 2. Обязательственное право: Курс лекций* / Отв. ред. О. Н. Садилов. М., 1997. С. 612–614; *Гражданское право: Учеб.* / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Ч. 2. С. 666–667. Между тем договор товарищества по российскому гражданскому праву является аналогом римской *societas*: *Суханов Е. А., Кофанов Л. Л.* Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // *Ius antiquum. Древнее право.* 1999. № 1 (4). С. 11.

³ Среди исследований по римскому праву следует отметить работу П. Е. Соколовского (*Договор товарищества по римскому гражданскому праву.* Киев, 1893), однако автор преимущественное внимание уделяет происхождению и историческому развитию данного вида договора.

1. Объявление кого-либо из товарищей недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Это связано с тем, что договор простого товарищества признается современным отечественным законодателем «фидуциарной сделкой, т. е. такой, в основе которой лежат личные доверительные отношения ее участников»⁴. Подобные основания мы находим и в римском праве. Так, Модестин (D. 17. 2. 4. 1) и Гай (III. 151–154) указывают умаление правоспособности (*capitis minutione* или *deminutione solvi societatem*), поскольку оно уподоблялось смерти (*morti coaequatur*). Ульпиан (D. 17. 2. 63. 10) уточняет – наибольшего или среднего умаления их правоспособности (*maxima aut media*). Изменение *status familiae*, т. е. *deminutio minima*, в отношении участника товарищества, будь то усыновление в виде *adoptio* либо эманципация подвластного сына, не ведет к его выходу из товарищества и, тем самым, к прекращению договора (D. 17. 2. 65. 11).

2. Объявление кого-либо из товарищей несостоятельным (банкротом) (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Модестин говорит – в силу обеднения товарища, когда он не может исполнять обязанности участника товарищества (*egestate*) (D. 17. 2. 4. 1).

3. Смерть товарища или ликвидация либо реорганизация участвующего в договоре простого товарищества юридического лица (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). То же самое основание указывают Модестин (D. 17. 2. 4. 1) и Гай (*Gai. Inst.* III. 151–154) (*morte socii*), поскольку этот договор носит сугубо личный характер и существенным для его заключения является конкретный контрагент (*certam personam sibi elegit*). Павел говорит, что товарищество может заключаться на постоянное время, т. е. пока живы товарищи⁵. Исключение составляет *societas vectigalium*⁶. Если же в случае смерти одного из товарищей остальные члены товарищества решили остаться в рамках данного договора, добавляет Гай, тогда образуется новое товарищество (*nova societas incipere*) (*Gai. Inst.* III. 151–154). Практически теми же словами это положение формулирует Помпоний: «впрочем, если наследники умерших членов товарищества захотели вступить в договор товарищества относительно этого наследства, то заключается новый договор, что приводит к появлению иска из товарищества в отношении их последующих действий»⁷.

Важность личного фактора в договоре товарищества наглядно демонстрирует запрет заключать такого вида договор относительно вступления в товарищество наследника после смерти товарища-наследодателя (D. 17. 2. 35). В завещании нельзя назначить своего наследника правопреемником в товариществе, и это – императивная норма (D. 17. 2. 59 pr.). Но если наследник или наследники умершего товарища выразят желание вступить в товарищество в доле наследодателя, то предстоит заключить новое соглашение (D. 17. 2. 37). Исходя из сугубо личного характера договора товарищества, римляне требовали заключения нового на общих для всех других участников основаниях соглашения.

В отличие от римского права в российском праве предусмотрена возможность включения в договор положения, или заключения последующего соглашения о сохранении договора в случае смерти одного из товарищей, либо замещение умершего товарища его наследниками (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Отечественный законодатель, таким образом, уже не придает договору товарищества того сугубо личного характера, которым его наделяли римские юристы. В этом мы видим одно из наиболее существенных отличий. Однако подобного рода эволюция уже прослеживается в самом римском праве. Сабин говорит о запрете соглашением определять наследника правопреемником в товариществе только лишь относительно частных товариществ (*in privatis societatibus*). Товарищество откуп-

⁴ Масляев А. И. Договор простого товарищества // Гражданское право: Учеб. / Под общей ред. А. Г. Калпина. М., 1999. Ч. 2. С. 480. Также см.: Масляев А. И., Масляев И. А. Договор о совместной деятельности в советском гражданском праве. М., 1988.

⁵ D. 17. 2. 1. pr.: in perpetuum id est dum vivunt.

⁶ Дернбург Г. Пандекты. Вып. III. Обязательственное право. М., 1911. С. 334.

⁷ D. 17. 2. 37: plane si hi, qui sociis heredes exstiterint, animum inierint societatis in ea hereditate, novo consensu quod postea gesserint efficitur, ut in pro socio actionem deducatur.

щиков для сбора налогов (*societas vectigalia*) исключается из этого правила. В данном случае допускается правопреемство. По-видимому, здесь учитывался публичный интерес, связанный с государственной функцией налогообложения. Но все же, учитывая личный характер отношений в данном договоре, Сабин сомневался в универсальности такого положения. Поскольку возможно, что товарищество было образовано в расчете в основном на личные качества умершего, его работу и руководство товариществом (D. 17. 2. 59 pr.).

Любопытной представляется такая ситуация: если после образования товарищества, еще до начала каких-либо действий, один товарищ умирает, и уже после этого другие товарищи совершили определенные действия по достижению общей цели. В таком случае, согласно мнению Павла, следует выяснить, знали ли другие о его смерти. Если им было известно о смерти товарища, то следует признать, что их действия породили правовые последствия только для каждого из них в отдельности. Если же они не знали об этом, то правовые последствия наступят для всех участников товарищества (D. 17. 2. 65. 10).

В то же время и в римском, и в современном отечественном гражданском праве можно предусмотреть сохранение договора простого товарищества между остальными товарищами в случае смерти одного из них (п. 1 ст. 1050 ГК РФ; D. 17. 2. 65. 9).

4. Отказ кого-либо из товарищей от дальнейшего участия в бессрочном договоре простого товарищества (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). У римлян прекратить действие договора можно волей (*ex voluntate*) (D. 17. 2. 63. 10), т. е. отказом одного из сотоварищей далее состоять в товариществе (*societas renuntiatione*) (D. 17. 2. 4. 1). Товарищество существует, пока существует соглашение товарищей (*donec in eodem consensu perseverant*). Если кто-либо из товарищей выходит из товарищества, то оно прекращается (*cum aliquis renuntiaverit societati, societas solvitur*) (*Gai.* III. 151–154). Российский законодатель устанавливает правило, согласно которому товарищ, пожелавший выйти из бессрочного договора товарищества, должен сделать об этом заявление не позднее чем за три месяца до предполагаемого выхода из договора (ст. 1051 ГК РФ). В римском праве подобного правила не было.

Однако при желании выйти из договора товарищества также было необходимо сообщить об этом другим товарищам. Но, в силу ограниченности коммуникационных средств и возможности длительного отсутствия отдельных членов товарищества по общим делам, следовало учесть интересы всех членов товарищества. В силу принципа свободы воли по римскому праву при заключении договора любой участник товарищества мог беспрепятственно выйти из договора товарищества и потребовать выдела причитающейся ему доли. Но, в данном случае, отсутствующие в момент объявления о выходе из договора товарищества узнают о решении своего сотоварища через какой-то промежуток времени. И все это время, с момента заявления одного из товарищей о выходе и до получения известия о таком решении, они, не зная об этом, будут действовать так, как будто подобного отказа и не было. В этом случае явно ущемляются интересы сотоварищей, оставшихся в неведении относительно поведения другого товарища, из чего последний может извлечь для себя выгоду. Например, получив прибыль, всю ее себе присвоить, сославшись на свой отказ от участия в договоре, или потребовать разделить с ним полученную за этот период другими товарищами прибыль. Или, напротив, понеся убытки, потребовать разделить их с другими товарищами, сославшись на то, что он, якобы, все еще действовал в общих интересах, или отказаться участвовать в убытках, понесенных сотоварищами при ведении общих дел.

Таким образом, возникла опасность фактического образования, хотя и временно, запрещенного законом *societas leonina*. Для предотвращения злоупотребления выходом из товарищества римский законодатель вводит правило: «Если в отсутствие (одного из членов товарищества другой) вышел бы из товарищества, то пока (отсутствующий сотоварищ) не узнает (об этом), то, что приобрел тот, кто вышел бы из товарищества, обращается в общую собственность, убытки же несет только тот, кто вышел бы из товарищества. Но то, что приобретет отсутствующий, принадлежит только ему, а убытки

от им совершенного являются общими»⁸. Римские юристы считали, что выход кого-либо из товарищества освобождает только других участников товарищества от обязательств перед ним, но не его от обязанностей перед контрагентами, оставшимися в товариществе (D. 17. 2. 65. 3; 6). Павел в 32-й книге «Комментариев к эдикту» приводит пример возможности злоупотребления правом выхода из договора *societas unius rei*. Двое граждан заключили между собой договор простого товарищества с целью покупки какой-либо вещи. «Затем ты захотел купить ее один и для этого заявил о своем выходе из товарищества, чтобы одному совершить покупку, тогда ты будешь отвечать по иску в размере (возможной) для меня выгоды (от покупки). Но если ты заявишь о своем выходе (из товарищества), потому что покупка была тобой сочтена невыгодной, то ты не будешь отвечать по иску, хотя бы я и купил вещь, потому что здесь нет обмана»⁹.

Выход участников из договора товарищества можно не предусматривать в договоре, так как само право позволяет беспрепятственно выйти из него, а за несвоевременный отказ от участия в товариществе, опять же в силу самого права, такое поведение товарища подлежит правовой оценке (*ipso iure societatis intempestiva renuntiatione in aestimationem venit*) (D. 17. 2. 17. 2). То же самое правило распространяется и на участие в товариществе раба, поскольку последний, хотя и не обладая правосубъектностью, рассматривался как «рука» хозяина, действующий исключительно от его имени и в пределах объема данных ему полномочий. Поэтому раб самостоятельно не может выйти из товарищества. Только приказ господина приводит к отказу раба от дальнейшего участия в договоре. Но заявляет об этом сам хозяин в установленном законом порядке (D. 17. 2. 18). При продаже раба, состоящего в договоре товарищества, прекращается одно и возникает другое товарищество, при желании контрагента раба продолжать отношения товарищества. В данном случае законодатель не требует перезаключения договора, как при желании наследников умершего сотоварища вступить в товарищество, и основное внимание уделяет вопросу ответственности по искам из товарищества. Бывший хозяин отвечает за все, что произошло в товариществе до отчуждения раба, а новый владелец раба – за все то, что случилось уже после покупки (D. 17. 2. 58. 3). Любопытно, что, отрицая правосубъектность раба в принципе, римский законодатель фактически ее признает в договоре товарищества. Продажа раба-сотоварища привела к прекращению первого товарищества и возникновению второго, что связано с переменной собственника раба. Но товарищ раба ориентируется, прежде всего, на личные качества своего сотоварища, поэтому при продолжении товарищества не требуется заключение нового договора, как это происходит в других случаях, а происходит фактическое продолжение старого договора. Но законодатель признает уже автоматическое прекращение первого и возникновение второго договора товарищества.

Римляне признавали правомерность как самого заявления о прекращении договора, так и принятия такого заявления через доверенных лиц или рабов. Подобного рода действия уполномоченных лиц непосредственно могут создавать или прекращать гражданские права и обязанности представляемого или хозяина раба (D. 19. 2. 65. 7–8).

В римском праве допускалось расторжение договора и путем конклюдентных действий *ex actio* (D. 17. 2. 63. 10). То есть когда товарищи начинали действовать отдельно и каждый вел дела исключительно для себя (*unusquisque eorum sibi negotietur*) (D. 17. 2. 62), или изменяется основа товарищества в силу стипуляции либо судебного процесса. Поскольку само по себе предъявление иска в суд о расторжении договора простого товарищества уже бесспорно свидетельствует о желании истца прекратить договор (D. 17. 2. 65 pr.).

⁸ D. 17. 2. 17. 1: Si absenti renuntiata societas sit, quoad is scierit, quod is adquisivit qui renuntiavit in commune redigi, detrimentum autem solius eius esse qui renuntiaverit: sed quod absens adquisiit, ad solum eum pertinere, detrimentum ab eo factum commune esse.

⁹ D. 17. 2. 65. 4: Deinde solus volueris eam emere ideoque renuntiaveris societati, ut solus emeris, teneberis quanti ineres mea: sed si ideo renuntiaveris, quia emptio tibi displicebat, non teneberis, quamvis ego emero, quia hic nulla fraus est.

Наиболее простым вариантом прекращения товарищества была ситуация, когда все участники такого рода объединения выразили отказ продолжать товарищество (D. 17. 2. 65. 3).

5. Расторжение договора простого товарищества, заключенного с указанием срока, по требованию одного из товарищей в отношениях между ним и остальными товарищами (п. 1 ст. 1050 ГК РФ). При этом, если договор заключен с указанием срока или с указанием цели в качестве отменительного условия, товарищ также может потребовать досрочного расторжения договора в отношениях между собой и остальными товарищами по уважительной причине¹⁰. Однако он обязан возместить остальным товарищам реальный ущерб, причиненный действиями такого рода (ст. 1052 ГК РФ).

Подобную ситуацию рассматривали Павел, Лабенон и Прокул. Если один из членов товарищества решил выйти из него в тот момент, когда другим важно довести дело до конца, то он несет ответственность за свои действия, как в виде возмещения реального ущерба, так и упущенной выгоды. И в этом случае если для товарищества в целом важно, чтобы оно не было прекращено, то выход отдельного участника не ведет к прекращению товарищества. В таком случае только наличие специального соглашения о прекращении товарищества выходом одного из его участников может привести к прекращению договора простого товарищества. Прокул замечает, что в таком случае всегда следует руководствоваться интересами товарищества, а не желанием одного участника в отдельности (D. 17. 2. 65. 5).

Однако при досрочном выходе из договора товарищества одного из его участников оставшиеся товарищи могут понести убытки. И в римском праве в таком случае предусмотрено право предъявить иск из договора товарищества (*actio pro socio*) о возмещении убытков к преждевременно вышедшему компаньону. Освободить его от повышенной ответственности за несвоевременный отказ может только признание наличия какой-либо необходимости в отказе (D. 17. 2. 65. 6).

Уважительными причинами для досрочного выхода из товарищества римляне признавали:

– невыполнение какого-либо условия, предусмотренного при заключении договора (*quia condicio quaedam, qua societas erat coita*) (D. 17. 2. 14),

– если этот товарищ своими действиями наносит ущерб товариществу и нарушает права других сотоварищей настолько, что его нельзя более терпеть. Поскольку договор товарищества строится на началах личного доверия, то, разумеется, такой товарищ будет выведен из товарищества (D. 17. 2. 14),

– необходимое отсутствие по государственным делам длительное время и против воли участника товарищества (*rei publicae causa diu et invitus sit afuturus* – D. 17. 2. 16 pr.). Возражение о том, что такой сотоварищ может вести дела товарищества через постороннее лицо или через участника того же товарищества, не являлось императивным. Сам отбывающий по государственным делам решал, выйти ли ему из товарищества или остаться в нем, доверив вести дела за себя другому лицу – не члену товарищества или сотоварищу (D. 17. 2. 16 pr.).

Только справедливое основание *iusta causa* может служить оправданием выхода из товарищества и выдела его доли. В ином случае сотоварищ по своему произволу выйти не может¹¹.

¹⁰ По мнению Г. Е. Авилова, для суда не представит особой трудности оценка степени уважительности причины, поскольку вышедший из товарищества участник обязан возместить реальный ущерб, нанесенный такого рода действиями остальным товарищам (Авилов Г. Е. Простое товарищество (глава 55) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 / Под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996. С. 567). Однако правоприменительная практика показывает, что в силу использования данного вида договора для прикрытия других сделок, оценка судом степени уважительности причины не будет столь уж простым делом. См., например: Деловой Петербург. 2001. 13 авг. С. 5.

¹¹ D. 17. 2. 16. 1: *nec vendere poterit, alia ratione efficiat, ut dividatur.*

Ульпиан задается вопросом: «но является ли действительным соглашение о том, что (никто из участников товарищества) не может выйти (из товарищества)?»¹² И он приводит мнение Помпония, скорее всего из его «Комментариев к Сабину», что такое соглашение является бесполезным (*frustra hoc convenire*) (D. 17. 2. 14). У Павла мы находим в иных выражениях ту же самую мысль: никакое товарищество не является вечным¹³.

Российский законодатель не менее категорично отнесся к такого рода соглашениям, введя императивную норму в ст. 1051 ГК РФ: «Соглашение об ограничении права на отказ от бессрочного договора простого товарищества является ничтожным». Именно «ничтожным» признано такое соглашение, как противоречащее общим принципам гражданского законодательства, в частности свободе заключения договоров.

Римское право делает исключение из общего правила об односторонней возможности выхода из договора простого товарищества в отношении товарищества откупщиков, если оно уже приступило к исполнению договоров с третьими лицами (D. 17. 2. 65. 15). Скорее всего, здесь сыграл свою роль публичный интерес.

6. Истечение срока действия договора простого товарищества (п. 1 ст. 1050 ГК), (D. 17. 2. 65. 6).

7. Выдел доли товарища по требованию кредитора (п. 1 ст. 1050 ГК). Если имущество одного из сотоварищей, внесенное им в виде вклада, продается публично или частным образом за долги (*ex sociis bona publice aut privatim venierint*), т. е. происходит обращение имущества несостоятельного должника к пользе его кредиторов (*Gai. Inst. III. 151–154*). К Гаю присоединяется и Лабейон, согласно которому, продажа имущества кредиторами одного из товарищей ведет к прекращению договора (D. 17. 2. 65. 1). Отдельно римляне выделяли конфискацию имущества товарища в пользу казны (D. 17. 2. 65. 12).

8. Товарищество прекращается по достижении той цели, ради которой оно было образовано (D. 17. 2. 65. 10).

9. Российский законодатель не указывает еще один важный для римского права способ прекращения договора простого товарищества – вещами (*ex rebus*): «*τὸ ἄρτιον* – когда или вовсе не осталось вещей, или вещи изменили свой характер; ибо никто не может быть участником товарищества, в которое были внесены вещи, которые (в настоящее время) уже не существуют, или посвящены богам, или сделались государственными»¹⁴.

Таким образом, основанием для прекращения товарищества могла стать физическая гибель внесенной в качестве вклада вещи или изъятие этой вещи из гражданского оборота (*extra commercium*), т. е. превращение ее в *res sacrae* или *res publicae*.

В современном гражданском праве Российской Федерации такого рода способ отсутствует ввиду наличия общих норм о прекращении права собственности в силу гибели или уничтожения имущества либо изъятия его у собственника в соответствии с законом (п. 1 ст. 235 ГК РФ).

* * *

После прекращения договора простого товарищества происходит раздел имущества, находившегося в общей собственности товарищей. Вещи, переданные в общее владение или пользование товарищей, возвращаются тем, кто их передал, без всякого вознаграждения остальных. Впрочем, данная норма носит диспозитивный характер. Индивидуально-определенная вещь возвращается давшему ее товарищу, если при этом не пострадают интересы других товарищей (п. 2 ст. 1050 ГК РФ).

Если же после прекращения договора один из товарищей произвел необходимые расходы на общую вещь, то при разделе общего имущества следует учесть его расходы. Но здесь уже следует применить иск о разделе общего имущества, а не иск из договора

¹² D. 17. 2. 14: *quid tamen si hoc convenit, ne abeat, an valeat.*

¹³ D. 17. 2. 70: *nulla societatis in aeternum coitio est.*

¹⁴ D. 17. 2. 63. 10: *Res vero, cum aut nullae relinquatur aut conditionem mutaverint, neque enim eius rei quae iam nulla sit quis quam socius est neque eius quae consecrata publicatave sit.*

товарищества, поскольку после прекращения договора товарищества уже ничего нельзя предпринять собственно в интересах товарищества (D. 17. 2. 65. 13). Показательно, что современный российский законодатель также к разделу имущества после прекращения товарищества отчасти предлагает применять не специальные нормы гл. 55 ГК РФ, а общие положения в соответствие со ст. 252 (п. 2 ст. 1050 ГК РФ).

С выделом доли при выходе из договора товарищества связано одно любопытное место из Ульпиана: «Однако тот, кто заключает соглашение (с условием) неделимости (имущества), и если только не возникает какого-либо справедливого основания, не может ни продать (свою долю), ни поступить на ином основании так, чтобы отделить (ее). Но, действительно, можно сказать, что нет препятствия для этой продажи, но здесь имеет место эксцепция против покупателя, если он отделил бы (вещь от общего имущества) раньше, чем это сделал бы тот, кто (ее) продал»¹⁵.

Здесь следует понимать, что уже до выдела доли товарищ продал ее покупателю. Любопытно, что такая сделка признается действительной, ей нельзя воспрепятствовать в правовом смысле. Однако перед нами сделка с отлагательным условием. По-видимому, имеется в виду право товарища, у которого есть *iusta ratio* для выдела своей доли, еще до совершения выдела продать данное имущество другому лицу. Но последнее должно дожидаться реального выдела доли в натуре товарищу-продавцу, и лишь после этого он может взять свою часть из общей массы имущества товарищества.

В отношении же товарища, который самостоятельно провел отчуждение своей доли, будет применяться не эксцепция, а иск из товарищества или иск о разделе общего имущества¹⁶.

Наследник несет ответственность за вину того, кому он унаследовал, хотя бы он сам и не являлся членом товарищества¹⁷. В этом случае наследник участника товарищества должен довести до конца то, что начато умершим. И здесь ему в вину может быть поставлен только умысел (*dolus*). Отметим, что наследник несет ответственность за *dolus* и *culpa* наследодателя, однако в отношении его собственных действий ответственность выступает только за умышленное пренебрежение делами (D. 17. 2. 40). В другом месте мы находим у Ульпиана: «Иск из товарищества предоставляется в отношении наследника участника товарищества, даже если наследник членом товарищества не является [ведь хотя бы он и не был участником товарищества, однако он является преемником выгоды (от деятельности товарищества)]»¹⁸.

Если же соглашение о продолжении товарищества не достигнуто и к умершему товарищу нет никаких претензий со стороны других товарищей относительно его участия в договоре, то наследникам товарища уже нельзя предъявить никаких требований на основе договора простого товарищества (D. 17. 2. 60. pr.). При прекращении договора товарищества римляне считали невозможным истребовать что-либо с помощью иска *pro socio*. Помпоний рассматривает ситуацию, когда после смерти одного из товарищей и прекращения договора общее имущество товарищества было разделено между его наследником и другим товарищем. Однако вскоре после этого появилось лицо, признанное настоящим наследником. В этом случае Помпоний присоединяется к мнению Нерация и Аристана, что иск *pro socio* применить уже нельзя, поскольку товарищ добросовестно заблуждался относительно правомочий контрагента и раздел общего имущества товарищей произошел без каких-либо нарушений. К моменту предъявления требования настоящим наследником договор простого товарищества уже не существовал, т. е. воз-

¹⁵ D. 17. 2. 16. 1: Qui igitur paciscitur ne dividat, nisi aliqua iusta ratio intercedat, nec vendere poterit? Ne alia ratione efficiat, ut dividatur. Sed sane potest dici venditionem quidem non impediri, sed exceptionem adversus emptorem locum habere, si ante dividat, quam divideret is qui vendidit.

¹⁶ D. 17. 2. 17. pr.: tenetur societatis communi dividundo iudicio.

¹⁷ D. 17. 2. 36: et acti etiam culpam, quam is cuius locum succesit, licet socius non sit.

¹⁸ D. 17. 2. 63. 8: In heredem quoque socii pro socio actio competit, quamvis heres socius non sit: [licet enim socius non sit, attamen emolumenti successor est].

можно предъявление искового требования, но уже на ином правовом основании к лицу, незаконно получившему долю умершего товарища (D. 17. 2. 62).

После расторжения договора простого товарищества могут оставаться обязательства по отношению к третьим лицам. Статья 1050 ГК РФ предусматривает солидарную ответственность товарищей перед третьими лицами по неисполненным обязательствам, а ст. 1053 – долевую или солидарную ответственность, в зависимости от характера отношений, для вышедшего из товарищества участника, при условии дальнейшего сохранения и функционирования товарищества, однако только по отношению к обязательствам, возникшим во время его пребывания в товариществе. Данная норма носит императивный характер.

Римский законодатель на весьма высоком абстрактно-теоретическом уровне сформулировал подобного рода положение: «Всякое долговое обязательство, заключенное во время существования товарищества, должно быть погашено из общего имущества, хотя бы платеж должен быть произведен после прекращения товарищества. Таким образом, если долг был заключен под условием, то следует заплатить из общего имущества. Поэтому если тем временем товарищество расторгнуто, то должны быть предоставлены обеспечения»¹⁹.

Однако если один из сотоварищей должен отдать деньги в определенный срок и товарищество распадается, то этот член товарищества не должен их вычестить при разделе имущества товарищества, как будто бы он должен прямо сейчас, но должен разделить долг между всеми товарищами и обеспечить, чтобы, когда наступил срок уплаты, этот член товарищества получил защиту (D. 17. 2. 28).

Если товарищество было образовано для покупки или найма определенной вещи, то, в силу самого характера соглашения и цели, с которой было образовано товарищество, обязательства после прекращения такого рода договора будут общими (D. 17. 2. 65. 2).

В завершение следует обратиться к опыту правового регулирования подобных правоотношений в англосаксонской правовой семье. Здесь мы находим весьма сходные основания, правда, относительно расторжения договора полного товарищества (*unlimited partnership*)²⁰: «645. (I) если оно (т. е. товарищество. – А. Н.) заключено на определенный срок – с истечением этого срока; (II) если оно заключено для осуществления одного определенного мероприятия – с окончанием этого последнего; (III) если оно заключено бессрочно – с изъявлением со стороны одного из членов товарищества другому или другим членам своего намерения расторгнуть товарищество». В целом, однако, эти нормы носят диспозитивный характер, поскольку законодатель делает оговорку – «за изъятием, предусмотренным соглашением». Кроме того, английское законодательство допускает продление срочного товарищества и по истечении срока без заключения нового договора товарищества, если все участники товарищества продолжают заниматься прежней деятельностью, не выказывая намерения ее прекратить либо изменить (639). Если же договор товарищества был заключен на неопределенный срок, то всякий товарищ может в любое время прекратить товарищество, заявив об этом другим товарищам обязательно в письменной форме (638). Подобное сходство юридических конструкций можно объяснить двояко: во-первых, влиянием римского права на англосаксонское право, хотя в целом такое влияние считается весьма ограниченным, если не незначительным²¹, но тогда, однако, данный случай следует признать исключением из общего правила²². Во-вторых, возможно, что само сходство задач привело в данном случае к похо-

¹⁹ D. 17. 2. 27: *Omne aes alienum, quod manente societate contractus est, de communi solvendum est, icet posteaquam societas distracta est solutum sit. Igitur et si sub condicione promiserat et distracta societate condicio existit, ex communi solvendum est: ideoque si interim societas dirimatur, cautiones interponendae sunt.*

²⁰ Свод английского гражданского права, составленный под редакцией Э. Дженкса: *Общая часть. Обязательственное право* / Пер., предисл. и прим. Л. А. Лунц. М., 1941.

²¹ *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998. С. 271.

²² *Hoeflich M. H.* Roman and Civil Law and the Development of the Anglo-American Jurisprudence in the Nineteenth Century. Athens; L., 1997. P. 110–117.

жим решениям²³, тем более, что в своем развитии римское и англосаксонское право шли по общему пути²⁴.

В этом отношении показателен опыт России. Наличие сходных задач привело к тому, что российское законодательство развивалось в тесной связи с римским правом. К тому же следует всегда помнить о тесной связи русского и германского гражданского права. Отечественные юристы мыслили и работали в романо-германских правовых традициях. Поэтому опосредованно влияние римского права проявилось, что особенно наглядно видно на примере правового регулирования прекращения договора простого товарищества.

A. A. NOVIKOV

**LA REGOLAMENTAZIONE GIURIDICA
DELLA RESCISSIONE DEL CONTRATTO
DI SOCIETÀ SEMPLICE NEL DIRITTO
CIVILE RUSSO E NEL DIRITTO ROMANO**

(RIASSUNTO)

Il contratto di società semplice appartiene agli istituti giuridici tradizionali per la Russia, che hanno conosciuto una gran diffusione nella sfera dell'edilizia residenziale svolta con l'uso di mezzi dei singoli cittadini e delle persone giuridiche.

I problemi legati alla rescissione del contratto di società semplice sono in gran parte comuni sia al diritto romano privato, sia al diritto civile moderno della Russia.

La regolazione giuridica delle cause di rescissione del contratto di società semplice nel diritto civile russo e in quello romano coincidono sotto molti aspetti (incapacità o insolvenza di un socio, la sua morte ecc.). Nel diritto romano era molto importante per il contratto di società l'elemento personale. Una differenza sostanziale del diritto russo a questo proposito è la possibilità, prevista dalla legislazione, di introdurre nel contratto la clausola rescissoria o concludere un accordo posteriore sul mantenimento del contratto nel caso di morte di uno dei soci o sulla sostituzione del socio deceduto con i suoi eredi. Una simile evoluzione, però, può essere rintracciata già nel diritto romano (D. 17. 2. 59).

Il diritto russo, a differenza di quello romano contiene una norma secondo cui il socio che non voglia più far parte della società semplice : scadenza illimitata deve informare gli altri soci con un anticipo di non meno di tre mesi.

La legislazione russa, a differenza della romana, non indica uno dei modi di rescissione del contratto di società semplice per le cose (perdita confisca). Ma ciò è dovuto alla presenza nel diritto civile russo di norme più generali sulla estinzione del diritto di proprietà per distruzione del bene (confisca al proprietario).

Le basi comuni della regolazione giuridica di questi rapporti sono rilevate dall'Autore anche in riferimento al diritto civile inglese e in genere nel diritto anglosassone, ciò sarebbe giustificato per l'A. sia dall'influenza, pur modesta, del diritto romano, sia dalla somiglianza di obiettivi.

Questa somiglianza di obiettivi ha fatto sì che la legislazione russa si sia sviluppata mantenendo uno stretto legame sia con il diritto civile germanico, sia con quello romano.

²³ Dziuban E. Rzymska «societas» a «partnership» systemu «common law» // Zeszyty prawnicze. N° P. 163-164, 166.

²⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 218-219, 229-230.